

было о Белинском в статьях «О гоголевском периоде литературы», в «Современнике» 1856 года.

В первом, вышедшем теперь томе сочинений Белинского помещены критические и библиографические статьи, напечатанные им в «Молве» и «Телескопе» 1834 и 1835 годов. Издание, принадлежащее гг. Солдатенкову и Щепкину, очень опрятно, и цена назначена дешевая. Том в 530 страниц, в обыкновенном формате щепкинских изданий, стоит всего один рубль; та же цена и за все следующие томы. Нет сомнения, что все издание разойдется быстро, хотя бы его было напечатано двадцать тысяч экземпляров!

С.Д. <С.С. ДУДЫШКИН>

<...Исполнились желания всех, кто только дорожит такими именами, как Белинский>

Наконец исполнились желания всех, кто только дорожит такими именами, как Белинский.

Первый том его сочинений, разбросанных по журналам, собран и издан. Появившись в Петербург, этот том в то же мгновение и исчез. Мы полагаем, что нужно уже делать второе издание, хотя журналы не успели объявить и о первом. Вот лучшая похвала русской публике, которую привыкли обвинять во многом, а между прочим и в хладнокровии к именам, дорогим для русской литературы. Мы видели, как скоро раскупилось возможно-полное издание Пушкина, сделанное г. Анненковым, новое, издание Гоголя¹, но мы не видели до сих пор ничего подобного тому рвению, какое выказала публика к сочинениям Белинского. Заметьте, сочинения Белинского — не повести, не стихотворения, на которые некогда был такой большой расход, а статьи критические, и больше ничего. Статьи эти написаны и напечатаны давно (1834 и 1835 гг.), в журналах, почти забытых — следовательно, эти статьи не имеют и интереса современности — важного рычага,

чтоб затронуть любопытство. Статьи писаны по поводу книг, которые теперь забыты и мнение о которых никому не нужно: а между тем, ни книги с современными вопросами, ни повести несомненно любимых публикою авторов не могут сравняться с этим редким у нас успехом.

Этот факт мы прежде всего заносим как доказательство, что имя Белинского глубоко легло в памяти публики. Это — памятник, который она ему воздвигает мысленно.

Белинский никогда не издавал своих сочинений отдельно, даже печатал их без подписи имени, и это издание есть первое. Публика как бы желала выразить свою благодарность тому, кого она так сильно любила и кому до сих пор не могла выразить этой благодарности.

Понятно, что оставшемуся семейству он мог завещать только ту же бедность, с которою сражался, да еще, может быть, и бесприютность! Горький удел, который послан был ему, кажется, для того, чтоб опровергнуть укоренившееся у нас незаконным образом мнение, будто в наш век таланты не бедствуют. Так; но это выдуманно на Западе. Там лучше нашего умеют рассчитывать, и например, сочинения Белинского, изданные в 1848 году — год смерти автора, доставили бы непременно обеспечение оставленному семейству, которое у нас, после смерти автора, могло просуществовать без чужой помощи — лишь один месяц. Хорошо, что хотя теперь, ровно через 11 лет семейство покойного с гордостью может поднять голову, которую часто должно было преклонять — и от нужды, и от холода, которым оно было окружено!

С изданием всех томов сочинений Белинского публика будет в состоянии оценить вполне этого могущественного двигателя литературы, который покорила своему воззрению всех остальных деятелей того времени. При нем не было двойственности, тройственности воззрения на предмет, и тот кто с ним не соглашался, занимал второе и третье место в мнении публики. Он был в литературе преимущественно от 1843–1848 годов тем, что мы привыкли называть авторитетом. Это не значит, чтоб в это время не существовало разногласия в литературе — нет; оно существовало, но все, несогласное с направлением Белинского, отодвигалось на второй план. Так, существовала, или, лучше сказать, зарождалась новая славянофильская школа, но она не имела значения, смутно сама себя определила, и потому, вследствие этой неясности начал, испытывала всю силу сарказмов Белинского. Существовали еще остатки наших романтиков, никогда враждовавшие с классиками, поборниками Державина, Ломоносова, Дмитриева; эти остатки обеих партий соединились в борьбе против Белинского, но все-таки не могли завоевать себе значения

в литературе: на первом плане стояли те, кого хвалил Белинский. А хвалил он Пушкина, Гоголя и Лермонтова; противники начали яростно нападать на этих трех поэтов, и из Державина сделали совсем нелитературное орудие борьбы против Белинского. Но и это не помогало.

Белинский был человек убеждений в высшей степени. «Все для убеждения» было его девизом. Это убеждение он проводил в повести, в истории, в драме; им было пропитано каждое возражение против «Сев. пчелы»; во имя его казнил он и «Бальзака», как «Север. пчелу»; опираясь на это убеждение, он преследовал Бориса Годунова — как виновника укрепления крестьян; во имя тех же начал он был враждебен к Древней Руси, в которой не находил их. Он был, одним словом, публицист первый и самый сильный, сколько это возможно.

Другая его сторона. Он был человек такта и поэтического чутья — редкого. Много случаев представляла наша поучительная литература того времени, когда Белинскому как критику легко было увлечься направлением публициста. Однако он поучительные произведения не называл художественными. Уже в последнее время мы помним один такой случай, одну такую задачу, из которой он вышел победителем. В 1847 году в одно время появились два замечательных романа². В первом романе он на каждой странице осязал, так сказать, художественный талант; во втором видел энергию первостепенного публициста. В этом случае трудно было, особенно в то время, удержаться и не быть подкупленным социальной тенденцией, которой Белинский вполне сочувствовал. Однако же он восторжествовал сам над собой и воздал должное каждому роману.

Такое сочетание публициста и критика эстетических начал чрезвычайно редко. Самому Белинскому не всегда удавалось победить себя при этих столкновениях, особенно в последнее время, когда он часто насмехался над повестями и стихами, не имевшими глубины.

Еще одна сторона, которая невольно поражала в нем каждого, кто прочел хотя несколько капитальных эстетических статей его: это — способность к обобщению частных явлений и к выводам второстепенных начал из главных, первых, одним словом, философская сторона, способность к философскому, отвлеченному мышлению. На нее как-то мало обращали внимания, смешивая ее то с эстетическим тактом критика, то с общественными теориями его как публициста. Но мы на нее указываем, как на одну из главных его сил, как на самое смертоносное орудие, которым он разил противников. Такой способности к отвлеченному мышлению — несмотря на то, что о философии Белинский мог узнавать только из того, что было написано в русских

книгах и журналах, следовательно, весьма немногое, — такой способности к философии мы решительно не признаем ни за кем. В этом отношении ему мог бы отдать честь любой германский философ. Кто захотел бы доказательств, того мы отошлем хоть к предисловиям тех статей, где он говорит о первых началах прекрасного, трагического, комического, высокого... Не прочесть, даже в хорошем переводе, ни одной немецкой философской системы и написать такие статьи может только человек, голова которого в состоянии из немногих начал делать самые смелые философские выводы.

Человек, одаренный такими способностями, сочетание которых чрезвычайно редко, быстро переваривал в своей голове то, что давал ему кружок людей начитанных и русская литература, — и распространял все это в своих статьях. Не кончив курса в университете, то есть не получив систематического образования, без помощи иностранных языков, которых не знал, этот человек умел постоянно из всех приобретенных им сведений сам составлять себе систему, свой взгляд на мир, из которого уже, как из центра, развивались все частности.

Много было брошено ему камней под ноги и при его жизни, да и после его смерти. Над философскою стороною его статей глумились люди, которые видят в философии только набор иностранных, неудобопереваримых для русского уха терминов; от эстетической оценки его писателей XVIII века приходили в бешенство люди, считавшие литературной заслугой старшинство лет; за его враждебное отношение к старинной Руси восстали против него славянофилы... Но этот последний вопрос был тогда весьма смутен для обеих сторон; и если поклонники старины не видели ничего хорошего в России после Петра, то Белинский платил им только тою же монетою.

Но все это были камни, которыми можно было бросать публично. А сколько брошено камешков тайком, и иногда как будто невзначай. Когда, в 1848 году, Белинский умер, журналы едва сказали несколько слов в похвалу ему; за то противники сказали много!..³ Да и потом, когда на нас вновь набежала строго-эстетически-народная критика, разве она не назвала его газром, флюгером... чем-то в роде этого, за изменчивость его взглядов?

А эта изменчивость взглядов действительно существовала! Она — факт. Этот факт точно так же, как и предыдущая стороны деятельности Белинского, требует многих объяснений. В Белинском он был не то, что у некоторых других, о которых можно по справедливости сказать, что у них семь пятниц на неделе. У него, скажем к слову, даже изменчивость эта принесла гораздо больше пользы, нежели твердая неизменяемость в своих узеньких принципах — у других.

Эта изменчивость происходила: во-первых, не от ублажения какого-либо авторитета, следовательно, нравственно она безукоризненна; во-вторых, происходила она также и не от того, что Белинскому все равно было сказать сегодня одно и завтра другое; то есть до убеждений своих он доходил трудно, всмотревшись в жизнь и испытав ее на своих плечах, перечитав и передумав многое — следовательно, она происходила у него как всякое нормальное развитие. Это не было состояние безразличия, в котором не знают, что сказать о предмете — так или этак. Есть люди, которые меняют убеждения потому собственно, что не имеют твердого убеждения; другие, особенно головы, способные к философским системам, меняют убеждения, когда видят, что начало, которое они взялись провести по всей жизни, оказывается несостоятельным. Так было и с философией Гегеля у Белинского. Схватившись за положение, что все существующее разумно, он начал его проводить в жизнь, в частные случаи — да и поторопился отказаться от всей философии Гегеля, потому что она опасна. Худо ли он сделал? Так ли он сделал, как другие, которые сегодня признают принцип, завтра от него отказываются, послезавтра опять ему верят, без достаточных причин, без применений к делу?

Вот, по нашему мнению, те стороны таланта Белинского, на которые нужно обратить внимание, те вопросы, которые должно взять в расчет тому, кто захочет дать себе отчет в сложной деятельности Белинского. Пишущий эти строки не может отказать себе в удовольствии возвратиться к этому предмету и к этим вопросам, когда дальнейшие томы сочинений Белинского позволят за раз обнять различные периоды его деятельности.

Редакция «Отеч. запис.» обязана ему блестящими годами журнала с 1840–1847 годов. Он написал большую часть критических статей в эти годы; он нес на себе большую часть библиографического отдела журнала; он же писал и большую часть полемических статей, враждуя против других литературных партий... Полный энергии в борьбе за свои убеждения, он не упускал ни одного явления, которое требовало ответа, возражения, похвалы. Совершенно преданный своему делу, он жил только литературой и ее вопросами: но у него в литературные вопросы входила вся жизнь, политическая и общественная. Поэтому рецензия сочинений Белинского должна быть картиной нашего умственного и общественного состояния того времени.

